

В. К. НИКОЛЬСКИЙ, Детство человечества, Госкультпросветиздат, М., 1950, 154 стр., цена 4 руб., тираж 50 000 экз.

Автор рецензируемой брошюры, выходящей в свет вторым, дополненным изданием, дал читателям популярное изложение истории доклассового общества, историю первобытно-общинного строя. В связи с этим книга разбита на соответствующие разделы. После обширного «Введения» (стр. 3—49) следуют главы: «От дикости к варварству» (стр. 50—96) и «Период варварства» (стр. 97—144). Изложение заканчивается небольшим разделом «Путь к цивилизации» (стр. 145—154). Книга написана живо, образно и популярно. Особенно ценно то обстоятельство, что автор привлек много свежего отечественного археологического материала, включая публикации самого последнего времени. Вряд ли стоит останавливаться на других положительных сторонах рецензируемого издания. Более целесообразно указать на те общие и частные недостатки, которые следует устранить в последующих изданиях.

Прежде всего это касается «Введения». По замыслу автора, оно должно было, очевидно, прежде всего ввести читателя в круг излагаемых вопросов, сообщить историю археологических раскопок и дать минимум историографического материала, поскольку это допустимо в популярном издании. В данном случае тем более систематично следует излагать строго отобранный материал. Это, к сожалению, сделано только частично. Автор обычно пишет просто и доступно. Однако иногда он переоценивает знания своих начинающих читателей. Так, он упоминает о Демокрите (стр. 8), не объяснив читателю, кем был этот крупнейший греческий философ, и к тому же без указания времени его деятельности. Далеко недостаточна и характеристика Лукреция (стр. 7). Непопулярно звучит дальнейшее положение автора: «Ученые монахи средневековой христианской Европы объединили реакционную часть идей Аристотеля о древнейшей форме человеческого общества с библейским мифом о райском состоянии первой человеческой пары» (стр. 8). Неискушенному читателю остается просто неизвестным, кто такой Аристотель, в чем заключается «реакционная часть» его идей, какова их другая, переакционная часть и многое другое. Над этим несколько своеобразным сочетанием призадумается и специалист вопроса: не каждый догадается, что здесь речь идет о патриархальной теории Аристотеля, которую, кстати говоря, для его времени (IV в. до н. э.) отнюдь нельзя и квалифицировать как реакционную.

Бесспорно, никто не требует, чтобы автор «Введения» давал в популярной книге исчерпывающую историографию вопроса о первобытно-общинном строе. Но все же нельзя было не упомянуть о Моргане, на данные которого в значительной степени опирается сам автор. Это было тем более необходимо, что давало автору блестящую возможность показать тот переворот в представлении о первобытно-общинном строе, который внесли затем классики марксизма в эту область человеческого знания. Историографическая часть «Введения» очень выигрывает от того, что автор привлек интересные данные о вкладе русских ученых в изучение вопроса. Это очень ценно. Но и здесь следовало писать более популярно. Фраза о том, что «Ломоносов беспощадно боролся с академиками-немцами Байером и Миллером, пропагандировавшими антинаучную теорию норманского происхождения русского государства» (стр. 10), ничего не даст начинающему читателю, вряд ли разбирающемуся в сущности «норманской» теории. Это же пожелание относится и к археологической части «Введения». Любопытный читатель останется неудовлетворенным, прочтя, что Кювье считал библейскую катастрофу «двадцать седьмой» (стр. 14), и спросит: какие катастрофы входили в число первых двадцати шести? Вряд ли целесообразно излагать в хронологическом порядке, да и то не всегда выдержанном, историю находок отдельных звеньев от обезьяны к человеку. Более целесообразной именно для начинающего читателя была бы группировка находок в генетическом порядке, в том порядке, в каком шло развитие человечества. Между тем автор сначала сообщает о неандертальцах (стр. 18) и кроманьонцах (стр. 21) и лишь после этого возвращается к вопросу о питекантропе и гейдельбергском человеке (стр. 22 сл.).

Несколько замечаний подобного рода следует сделать и к основным разделам рецензируемой книги. Прежде всего классическая работа товарища Сталина «Марксизм и вопросы языкознания», очевидно, должна быть не просто вмонтирована в виде одной цитаты в рецензируемую книгу, как это сделано сейчас (стр. 60), но органически учтена в соответствующих разделах. Видимо, и дискуссия, связанная с работами И. П. Павлова, требует того, чтобы в дальнейших изданиях автор не ограничивался только ссылкой на «замечательные материалы для восстановления процесса формирования мышления у древнейших людей» (стр. 60), а изложил весь вопрос более конкретно и убедительно.

Несмотря на доступность изложения, автор и в этих разделах забывает иногда о том, что пишет, в основном, для мало опытных читателей. Упоминание о рисском оледенении (стр. 66) звучит для человека, не знакомого с классификацией оледенений, непонятно. Не убедителен и вывод автора о том, что рыболовство у наших первобытных предков было не менее развито, чем у наших соседей (стр. 70), хотя на территории СССР и редки находки стоянок с костями рыб, так как эти кости плохо сохраняются в почве. Всякий вдумчивый читатель задаст вопрос: а разве рыбные кости на Западе сохранялись лучше? Автор не подкрепил своего правильного по существу вывода надлежащей научной аргументацией.

Вопрос о матриархате в развернутом виде ставится автором очень поздно, только в третьей главе второго раздела (стр. 108). Думается, что более правильным было бы рассказать о матриархате в главе, посвященной «зарождению рода» (стр. 78 сл.). Трудно проследить в изложении автора и вопрос о формах общественного разделения труда (стр. 116, 126 сл.). Он пишет: «Из первого великого общественного разделения труда возникло разделение общества на два класса: господ и рабов, эксплуататоров и эксплуатируемых» (стр. 117).

Автор не указал здесь, что первое общественное разделение труда — это разделение племен на земледельческие и скотоводческие, когда рано еще говорить о классовом членении общества. Последнее разовьется лишь как дальнейший результат первого великого разделения труда.

Совершенно нельзя согласиться с объединением автором в одну группу готтентотов и скифов (стр. 125). Сам же автор отмечает, что у первых не было и нет железного меча — классического оружия скифов. В дополнение к характеристике автора, данной им скифам, следует добавить, что последние и сами оказывали обратное влияние на греков. Кстати, автор неверно делит скифов на восточных и западных — по Днепру и Дону. Восточными скифами принято называть скифов азиатских, закаспийских.

Попутно следует заметить, что автор без основания фантазирует, когда пишет о «стройных» копиях и «о смуглых, со сплюснутым носом, с раскосыми глазами, с развевающимися длинными черными волосами» скифах. Все это противоречит источникам и данным археологии, где говорится о скифах-блондинах, далеко не монголоидах. Автору следовало подробно рассказать о героической борьбе наших древних предков, скифов, во времена агрессии персов (VI в.) и македонцев (IV—III вв.). Вообще эта часть книги нуждается в значительной переработке.

В исправлении нуждаются и историко-философские обобщения автора по вопросу о разложении первобытно-общинных форм и о переходе их в классовое состояние (стр. 149 сл.). Вряд ли можно утверждать, что «распад первобытных общин повсеместно» приводит к возникновению рабовладельческих государств» (стр. 149). Скифы и славяне миновали этот этап. Вряд ли можно также согласиться с автором и в упрощенном изложении им вопроса о термине «варвар» (стр. 97). В ранней античности греки не вкладывали «презрительного» оттенка в этот термин. Если к этим замечаниям добавить еще несколько пожеланий об исправлении некоторых мест в стилистическом отношении, то в основном список их можно будет считать исчерпанным. Плохо звучат фразы вроде «скотоводческий путь есть фарватерский путь развития» (стр. 125), «форма огородничества была подсобной» (стр. 421). Необходимо исправить и опечатку «хоттского» вместо «хеттского» (стр. 127).

Все эти, и общие и частные, замечания продиктованы уверенностью, что они понадобятся при новом переиздании этой нужной книги.

Проф. П. Н. Тарков

ЛАТИНСКО-РУССКИЙ СЛОВАРЬ. Составили *И. Х. Дворецкий* и *Д. Н. Корольков*, под общей редакцией чл.-корр. АН СССР *С. И. Соболевского*. М., 1949, 950 стр., цена 32 руб. 50 коп., тираж 10 000 экз.

Рецензируемая книга является первым фундаментальным трудом на данном участке культурного строительства за долгие годы. Самый факт появления подобной книги почти в 1000 страниц и размером почти in folio, посвященной языковой культуре древнего Рима, является в высшей степени отрадным и показательным.

Объем и количество материала выгодно отличают данный словарь от дореволюционных изданий латинско-русских словарей, например, Кронеберга, Петрученко, Шульца, не говоря уже о недавнем издании словаря Малинина. Отбор и подача материала, т. е. качество его, стоят на уровне научных требований к подобного рода изданиям. Так, например, весьма ценным является дифференциация лексических форм, когда отдельными единицами-статьями даются не только гнездовые слова, но и некоторые производные от них.

Подбор фразеологического материала интересен и сравнительно богат, причем опирается, главным образом, на представителей «золотого века» латинского языка, т. е. периода расцвета римской языковой культуры. Уделено также некоторое внимание латинскому фольклору в виде пословиц и поговорок. Щедро рассыпаны сведения из римской мифологии. Данные из античной истории, культуры и быта интересны и встречаются часто. Переводы латинских фразеологических текстов на русский язык обильны и чаще всего правильны и по лексике, и по стилю.

Все это делает словарь хорошим пособием для советских людей, овладевающих высотами науки и успешно строящих коммунизм «...из той суммы знаний, организаций и учреждений, при том запасе человеческих сил и средств, которые остались нам от старого общества» (Л е н и н), в том числе и античного.

Тем не менее «ubi uber, ibi tuber» в литературном смысловом переводе — «где роза, там и шипы», как говорит латинская поговорка, приводимая и рецензируемым словарем (стр. 892, 897). И этот словарь нуждается в ряде методологических, методических и технических замечаний. Нам думается, что эти замечания имеют значение для возможного в будущем повторного издания рецензируемого словаря или других, подобных ему.

Прежде всего насчет «полноты» материала и тесно связанных с нею семантики и этимологии. Авторы говорят в предисловии, что их «словарь отличается от других латинско-русских словарей, вышедших у нас раньше, прежде всего своим объемом и полнотой». Это верно лишь отчасти, по отношению к таким словарям, как словарь Петрученко и другие, указанные нами выше. Что же касается, например, такого издания, как «Латинско-русский словарь» Ананьева, то оно, пожалуй, поспорит с настоящим насчет полноты и объема лексики и фразеологии. Для примера укажем: в словаре Дворецкого и Королькова нет слов «mástico, āre — жую»; «masticatio, ōnis — жевание», встречающееся у Апулея, имя которого приводят авторы в числе источников латинской лексики; нет «manticularius, ii; manticulātor, ōnis — мошенник» (встречаются у Теренция, Пакувия); нет «materialis, e — материальный», что важно для этимологии соответствующего русского слова; нет «matresco, ēre — делаться матерью» — слова, сложившегося уже за несколько веков до нашей эры; нет — «matriciāla, ae — список, матрикул» — слова, приводимого Кодексом Юстиниана, который является предметом изучения в некоторых вузах; нет «maximitas, ātis — величина», а оно важно хотя бы и потому, что встречается у представителя античного материализма Лукреция и го-